

Научная статья
УДК 316.422
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-6-18-24

АРХАИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сергей Николаевич Комиссаров

*Институт социологии
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия
prcult@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 348859, SPIN-код: 9633-8514*

Аннотация. *Целью исследования* в представленной статье является социально-философская рефлексия социокультурного феномена архаизации.

Методологию исследования составляет социокультурный подход, позволяющий исследовать архаизацию в пространстве социальных и культурных смыслов. В то же время, обращаясь к отечественной социально-философской мысли изучения архаизации, автор статьи приходит к выводу о необходимости использования системного анализа для рассмотрения данного социокультурного феномена.

Результат исследования состоит в том, что архаизация не является социокультурным феноменом тождественного современности, поскольку оно содержит в себе локальные и региональные интенции. Вместе с тем архаизация характеризуется различными архаическими практиками в социальных, экономических и культурных сферах общества. Также, признавая негативный эффект архаизации для современного российского общества в контексте социальной консолидации, автор статьи делает вывод об ограничивающем использовании архаизации на уровне локальных социокультурных пространств.

Перспектива исследования связана с дальнейшим осмыслением архаизации как схемы социальной и культурной практики в пространстве современного российского общества.

Ключевые слова: *российское общество, архаизация, традиция, локальность, родовые отношения, архитипы, социальный кризис*

Для цитирования: Комиссаров С.Н. Архаизация как социокультурный феномен современного российского общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 18–24. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-18-24>.

Original article

ARCHAIZATION AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Sergey N. Komissarov

*Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
prcult@mail.ru, AuthorID RSCI: 348859, SPIN-code: 9633-8514*

Abstract. *The purpose of the research in the presented article is a socio-philosophical reflection of the socio-cultural phenomenon of archaization.*

The methodology of the research is a socio-cultural approach that allows us to explore archaization in the space of social and cultural meanings. At the same time, referring to the domestic socio-philosophical thought of the study of archaization, the author of the article comes to the conclusion that it is necessary to use system analysis to consider this socio-cultural phenomenon.

The result of the study is that archaization is not a sociocultural phenomenon identical to modernity, since it contains local and regional intentions. At the same time, archaization is characterized by various archaic practices in the social, economic and cultural spheres of society. Also, recognizing the negative effect of archaization for modern Russian society in the context of social consolidation, the author of the article concludes about the limiting use of archaization at the level of local socio-cultural spaces.

The perspective of the research is connected with further understanding of archaization as a scheme of social and cultural practice in the space of modern Russian society.

Keywords: *Russian society, archaization, tradition, locality, generic relations, archetypes, social crisis*

For citation: *Komissarov S. N. Archaization as a socio-cultural phenomenon of modern Russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(6): 18–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-18-24>.*

Введение. Российское общество постсоветского периода испытывает влияние архайзации как процесса внедрения и реализации образцов «прошлого». Данное замечание, не претендуя на концептуальную полноту, определяется совокупностью социальных факторов и условий, которые исторически и логически определяются сложившимися общественными отношениями, действующими ментальными и предметными практиками, которые в целом можно охарактеризовать как разнонаправленность исторического процесса, социальная энтропийность, социальная неопределенность.

На наш взгляд, в этом положении существует определенный смысл, связанный с тем, что архайзация выражается во включении в общественный процесс «прошлого»

для строительства и понимания настоящего и будущего. Другими словами, «прошлое» в изложенном контексте является сценарием развития.

Подтверждая данное положение, мы с достаточной степенью обоснования можем говорить о том, что в отличие от традиционного общества как феномена укорененной традиции, существующей на уровне социальной репродукции, архайзация является конструируемым феноменом, связанным с действиями социальных субъектов, направленных на цели будущего, но с использованием «прошлого».

«Прошлое» является, по существу, изобретаемым феноменом, поскольку в процессе поиска исторических корней и истоков актуализируется социально-философская на-

правленность изучения социальной деятельности, которое проходит этап субъективного восприятия рассматриваемого «прошлого» согласно моделям и схемам настоящего в целом. Поэтому для исследователя важным является выделение двух уровней архаизации: элитной и массовой. Такое различие связано не только со смысловыми «нюансами», но и с характером и масштабированием архаизации, т.е. с какими сферами общественной жизни она соприкасается.

Говоря об этом, следует отметить, что в историческом фокусе архаизации концентрируется незавершенность эпохи модерна, попытки активно действующих субъектов внести в общественную жизнь коллективный опыт «прошлого», создаваемый по схемам исторической реконструкции и имитации.

Явным образом элементы архаизации просматриваются в сфере политики, морали, общественной психологии. Вероятно, это происходит, потому что архаика приобретает мощный импульс в обращении к культурному наследию, в то время как в экономике просматривается в слабой форме адаптация вплоть до мистификации хозяйственной деятельности.

Объяснение этого заключается в том, что, как писал исследователь дуализма общества и государства П. Козловский, нравственный порядок общества обусловлен свободными нравственным решением, т.е. зависит от субъективных оценок и намерений [4]. Однако такое положение не касается экономики, поскольку конструирование экономических норм, правил поведения и действия не вырастает из утилитаризма, дифференциации морали, нравственной автономности индивидов, а является целерациональным в целом, поэтому здесь архаика возможна только в рамках абсолютизма всеобщего и частного блага.

Следовательно, важным для российского общества является то, что государство, провозглашая принцип всеобщего блага и создавая конструкт социального государства, ориентировано на нормативность в формально-логическом смысле. Здесь возникает парадокс современного законодательства, направленного с одной стороны на соблюдение правил, с другой — на выполнение социально значимых задач, которые могут обществом не восприниматься как сфера всеобщей ответственности.

В этом смысле архаизация в современном российском обществе создает эффект традиционности. Однако, как социокультурный феномен архаизация основывается на реконструкции и возрождении конкурентных образцов «прошлого», способных играть роль социально-компенсационных и социально-замещающих механизмов.

Это формирует в рамках современных алгоритмов практического мышления то, что субъекты социального действия, социальные группы и социальные слои актуализируют архаику с различными часто не совпадающими целями, поэтому закономерно следующее: не проявляется лучший способ архаизации, когда, объективируя процессы обрушения к «прошлому», утверждается архаизация как явление социальной ностальгии или социальной травмы.

Следовательно, актуальность обращения к проблеме архаизации выводится целесобразностью понимания того, что с «архе», ассоциируемым, идущим от античной интерпретации мира, исследователь вынужден принимать естественность архаизации как восстановление космического порядка. Но это как раз то понимание, что архаика есть следствие десекуляризации общества, обоснование субъекта действующего и легитимации его смыслов, целей, направленных на отход от моделей социального модерна.

Таким образом, это определяет осмысление архаизации в рамках культурного и социального антропогенеза современного российского общества, масштабов позитивной и негативной мобилизации сдвигов в массовом сознании, выводящих в настоящее время, состояние кризиса морали ссылкой на натурализацию общественной жизни и на ограниченность, действуя согласно концепции всеобщего блага, которое определяет сущность государства модерна.

Методология. Рассматривая разработанность проблемы архаизации в современном российском обществе, следует обратить внимание на то, что в современной ситуации, когда актуальным является конструирование дилеммы традиционных и нетрадиционных ценностей, в которой Россия выступает обществом традиционализма, архаизация «растворяется» в рамках нацеленности на возрождение и обращение к традиции.

Вероятно, имеется виду, что традиция становится основным консолидационным постулатом российского общества в рамках борьбы с культурой отмены коллективного Запада. Это связано с тем, что нетрадиционные ценности ассоциируются с культурной деградацией западного мира, с эрозией базовых моральных норм и принципов и с насаждением морального релятивизма, так называемой перmissive морали.

На наш взгляд, это не является поводом для исследования социокультурного феномена архаизации, которое содержит риски отождествления с традицией, что приводит к потере универсального смысла понятия «традиция».

Здесь актуальным моментом является понимание архаизации не только в культурной сфере, связанной с архаическими практиками языкового ресентимента и принятия традиции, не имеющей истоков в культурном цивилизационном пространстве.

Необходимо отметить, что исследование архаизации по указанным причинам ушло в прошлое в начале XIX в., потому что архаика стала не замечаемым явлением в жизни современного общества, которое активно включалось в процесс глобализации.

В то же время вышедшие интересные работы Ч.К. Ламажаа так и остались единственным явлением и не вызвали своевременного дискуссионного диссонанса [5]. А.С. Ахиезер как теоретик концепта социокультурного раскола затрагивал проблемы архаизации в универсальном смысле, что является концептуальным недостатком [2].

Как показал Ч.К. Ламажаа, архаизация является конкретно региональным феноменом, относится к эпохе родовых отношений, что обоснованно было подвержено опытом Тувы, региона России, имеющего глубинные архаичные тенденции [6].

На наш взгляд, для методологического выбора исследования необходимо определиться с идеями в рамках концепции социальных трансформаций и опыта двух модернизаций Ч.К. Ламажаа, в то же время для придания изучению полноты и убедительности актуализировать положения социокультурного раскола А.С. Архиезера, имеющего несомненную когнитивную ценность для категоризации архаизации как социокультурного феномена.

Вместе с тем можно говорить об архаизации как имеющей определенные социальные и культурные смыслы, создающие эффект ментальных программ, смыкающихся с положениями теории архетипов К.Г. Юнга [9]. Таким образом, методология статьи определяется историей и логикой архаизации, а также основана на социокультурном подходе.

Содержание. Отечественный исследователь В. Малинкович, характеризуя распад связи времен в современном обществе, подчеркивает, что свою «лепту» внесли постструктуралисты и постмодернисты [7]. Для того чтобы понять указанную позицию, следует обратиться к путям трансформации новых идей, к дискретизации институтов до- и модерна, при которой фактор игры толерантности и репрезентативности становится основным стимулом перерождения ценностного мира современного человека.

Разумеется, нельзя оставить без внимания то, что распад времен характеризуется вступлением в жизнь субъектов социальной имитации групп, ориентированных на утверждение частных ценностей. Это показательно в связи с тем, что в реальности архаизация также является способом социального самоутверждения адаптированных к современным социальным группам. Здесь мы можем констатировать совпадения с постмодернизмом в контексте отрицания ценностей модерна, эпохи рациональности и прогресса.

Неслучайно Ю. Хабермас, выступавший с апологией модерна, подчеркивает завершенность данного «проекта» и выводит на первый план формирование дискуссионного поля диалогичности [8]. Это, на взгляд философа, является возможностью наведения мостов между культурными мирами и социальными институтами.

Поэтому в рамках исследования актуальным является российский контекст, который интересен тем, что в нашем социокультурном пространстве сохраняются зоны архаизации. Следовательно, архаика является способом социальной деятельности групп, находящихся в кризисном состоянии. Как показывает опыт Тувы, Якутии, Дагестана, архаизация как способ утверждения дотрадиционных программ проецируется в социальных практиках и имеет оборонительный характер [1].

Истина не всегда является «чистой» и никогда не является простой. Мы можем говорить о том, что архаизация в российском обществе в определенной степени совпадает с процессом традиционализации, если рассматривать архаику в контексте традиции.

Однако необходимо разграничивать архаизацию экономической, социальной и культурной сфер. В этом контексте, следуя истории архаизации, необходимо видеть в ней, прежде всего, социально-компенсационный эффект, коридор возможностей, способствующих выстраиванию моделей хозяйственной деятельности.

Поэтому становится ясным обращение к архаическим практикам не только в Туве (как классическом образце), но и в Якутии, Бурятии, Алтае, Нижем Поволжье и на русском севере. В то же время интенсивность и распространенность экономической архаизации в «русских» регионах подорвана социально-демографическим кризисом, а в Туве и Якутии мы являемся свидетелями демографического ренессанса [3].

Кроме того, активность субъектов, практикующих архаику в реальной жизни, носит неэффективный характер и не является конкурентом элементам экономического модерна. Здесь есть переключки с практиками антиглобалистов — движения настаивавших на переходе к кооперации по принципу натурального хозяйства для народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Однако российская специфика состоит в том, что архаические практики не входят в стратегию поддержки государства, и попытки внедрить их на уровне местного самоуправления являются абстрактными. Мы полагаем, что архаизация формирует социоэкономическую сферу и связана с ограниченными формами, поскольку они удобны и полезны для конкретных групп, характеризующихся как социально изолированные.

В этом контексте архаика вытесняется в настоящий момент через развитие этнотуризма и этнофольклора, которое имеет явную коммерческую направленность. Можно говорить о том, что архаические практики, ограниченные в экономической сфере, конвертируются в социальные практики и связаны с группами этнокультурного сервиса. Это в настоящее время в российских регионах

стимулируется, но содержит риск имитации социально-экономического развития путем отказа от провозглашенных целей технологической суверенизации.

Правда, здесь следует отметить, что архаика является реальностью в регионах, не затронутых волнами предшествующей модернизации, и стимулирует негативные явления, связанные с противодействием якобы деятельности сырьевых корпораций, разрушающих традиционную культуру малых народов. В такой версии архаизация презентуется как оборонительная позиция, тем не менее, не исключая элементы социального и экологического экстремизма.

Сложной представляется архаизация в культурной сфере, поскольку здесь действует замещающий фактор, когда за архаику выдаются имитационные практики, связанные с культурной языковой стилистикой, выступающие якобы за возрождение идентичности языка и идеологической конвенции действующих в рамках дилеммы «почвенников и западников».

В действительности речь идет о том, что архаические практики в культурной сфере вносят сложность в дискурс в современное российское общество, поскольку начинает действовать правило «непонимания», возрождение культурной традиции через встраивание архаизмов. Этот негативный момент «нейтрализуется» в рамках сбалансированной культурной политики, в которой архаика в отличие от традиции имеет локальную ориентированность.

Тем не менее следует подчеркнуть, что в условиях обращения к традиционным ценностям, конструирования новых традиций архаические практики могут принимать форму альтернативных для противодействия постмодернистским интенциям в языковой сфере, где специфически проявляется влияние глобалистских и постглобалистских эффектов.

Выводы. С реальным расширением влияния социальных сетей, формирующих культ навязывания мнения и манипулирования настроением, архаика может в ограниченной степени быть барьером на пути размытия локальной и региональной идентичности. Данный вывод ориентирует на принятие архаизации с ее негативными интенциями в рамках экспансии в социальную жизнь общества

с целью преодоления кризисного и травматического состояния определенных социальных групп как субъектов архаических практик.

Не утверждая безусловность данного положения, мы можем подчеркнуть, что следствием архаизации в современном российском обществе является определенный эклектизм принятия конструкта традиционных ценностей и культурных лимитов по отношению к распространению этнокультурного бизнеса.

Указанный практический момент нацеливает на понимание архаизации как синдрома кризисного состояния общества, имеющего допущения в социальной адаптивности в рамках консолидации российского общества, где актуальным становится соединение традиционных и гражданских ценностей в рамках общероссийской идентичности.

Разумеется, это не является основанием для того, чтобы представлять архаические практики исключительно девиантным явлением. Но, как социокультурная реальность, архаизация должна находить отражение в действующих схемах социальной и культурной практики со стороны не столько государства, сколько общественных и культурных ассоциаций, инициатив по возрождению местного локального самоуправления и формированию зон культурного и экологического комфорта.

Список источников

1. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. №2. С. 89–100.
2. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. Т. IV. №1. С. 89–100.
3. Джабиров Р.П. Этническое и культурное возрождение народа Дагестана в современных условиях: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М.: Государственный ун-т управления, 2006. 23 с.
4. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.
5. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества: Тувинский феномен: монография. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 272 с.

6. Ламажаа Ч.К. Социальная архаизация постсоветской Тувы // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. №2. С. 124–129.

7. Малинкович В.Д. Век вывихнут... Распалась связь времен. М.: ИГПИ, 2008. 352 с.

8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций. М.: Весь Мир, 2008. 414 с.

9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Наука, 1991. 304 с.

References

1. Ahiezer A.S. Arhaizacija v rossijskom obshhestve kak metodologičeskaja problema [Archaization in Russian society as a methodological problem]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. 2001; (2): 89–100. (In Russ.).

2. Ahiezer A.S. Arhaizacija kak kategorija obshhestvennyh nauk (na opyte Rossii) [Archaization as a category of social sciences (on the experience of Russia)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2001; IV(1): 89–100. (In Russ.).

3. Dzhabirov R.P. Jetnicheskoe i kul'turnoe vrozozhdenie naroda Dagestana v sovremennyh uslovijah: avtoref. dis. ... kand. filosof. Nauk [Ethnic and cultural revival of the people of Dagestan in modern conditions: Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow: Gosudarstvennyj un-t upravlenija, 2006. 23 p. (In Russ.).

4. Kozlovski P. Obshhestvo i gosudarstvo: neizbezhnyj dualizm [Society and the state: inevitable dualism]. Moscow: Respublika, 1998. 368 p. (In Russ.).

5. Lamazhaa Ch. K. Arhaizacija obshhestva: Tuvinskij fenomen: monografija [Archaization of society: Tuvan phenomenon: monograph]. Moscow: LIBROKOM, 2013. 272 p. (In Russ.).

6. Lamazhaa Ch. K. Social'naja arhaizacija postsovetsoj Tuvy [Social archaization of post-Soviet Tuva]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2009; (2): 124–129. (In Russ.).

7. Malinkovich V.D. Vek vyvihnut... Raspalas' svjaz' vremen [The century is dislocated... The connection of times has broken up]. Moscow: IGPI, 2008. 352 p. (In Russ.).

8. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne: dvenadcat' lekcij [Philosophical discourse

on Modernity: twelve lectures]. Moscow: Ves' Mir, 2008. 414 p. (In Russ.).

9. Jung K. G. Arhetip i simvol [Archetype and symbol]. Moscow: Nauka, 1991. 304 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 18.12.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The article was submitted on 07.12.2022; approved after reviewing on 18.12.2022; accepted for publication on 22.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комиссаров Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор, Главный научный сотрудник, Руководитель Центра по связям с общественностью и средствами массовой информации, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Sergey N. Komissarov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Public Relations and Mass Media, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

24/35 Krzhizhanovskogo st., app. 5, Moscow, Russia
